

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК: 81'25

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-4-48-65

ПЕРЕВОД КУЛЬТУРНО-МАРКИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА КНР НА РУССКИЙ С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Жань Тянь

Шанхайский университет иностранных языков, Шанхай, Китай

Для контактов: rantian0517@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается когнитивный перевод культурно-маркированной лексики в Гражданском кодексе Китая на русский язык с использованием теории концептуальной интеграции. Исследование сосредоточено на анализе двух версий переводного Гражданского кодекса КНР (версии 2021 и 2024 годов) с применением корпусных методов. Оценивается, как культурные нюансы, заложенные в юридической терминологии, передаются между языками, с акцентом на когнитивные процессы, возникающие при преодолении трудностей, связанных с культурной спецификой терминов. Анализ показал, что перевод 2024 года более точно передаёт культурные и правовые аспекты оригинального текста, в то время как перевод 2021 года отличается плавностью языка, но уступает в точности передачи нюансов. Результаты исследования предлагают новые идеи для оптимизации переводческих практик юридических текстов и улучшения межкультурной коммуникации в юридической сфере.

Ключевые слова: Гражданский кодекс КНР, культурно-маркированная лексика, когнитивный перевод, теория концептуальной интеграции, русский перевод, юридическая терминология, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Жань Тянь. Перевод культурно-маркированной лексики Гражданского кодекса КНР на русский с позиции теории концептуальной интеграции // Вестник Московского университета.

Статья поступила в редакцию 29.09 2024;
одобрена после рецензирования 15.12.2025;
принята к публикации 20.01.2026.

COGNITIVE TRANSLATION OF CULTURAL SPECIFIC LEXIS IN THE PRC CIVIL CODE FROM THE PERSPECTIVE OF CONCEPTUAL INTEGRATION THEORY

Ran Tian

Shanghai International Studies University, Shanghai, China.

For contacts: rantian0517@mail.ru

Abstract. This paper examines the cognitive translation of culture-specific lexis in the Chinese Civil Code into Russian through the lens of conceptual integration theory. The study focuses on analyzing two Russian translations of the PRC Civil Code (2021 and 2024 versions) and employs corpus-based methods. It assesses how the cultural nuances embedded in legal terminology are transferred between languages, with a focus on the cognitive processes involved in overcoming difficulties associated with culturally specific terms. The analysis shows that the 2024 translation more accurately conveys the cultural and legal aspects of the original text, while the 2021 translation demonstrates greater fluency but is inferior in its accuracy in conveying nuances. The findings of the study offer new insights for optimizing translation practices of legal texts and enhancing intercultural communication in the legal domain.

Keywords: PRC Civil Code, culture-specific lexis, cognitive translation, conceptual integration theory, Russian translation, legal terminology, intercultural communication

For citation: *Ran Tian* (2025). Cognitive translation of cultural specific lexis in the PRC Civil Code from the perspective of conceptual integration theory. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teorija Perevoda — Moscow University Bulletin on Translation Studies*. 4. P. 48–65. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-4-48-65

The article was received on September 29, 2024;
approved after reviewing on December 15, 2025;
accepted for publication on January 20, 2026.

Введение

Гражданский кодекс Китайской Народной Республики, будучи первым законом, носящим наименование «кодекс» с момента основания Китайской Народной Республики, стал новой вехой в систематизации законодательства и собрал в себе мудрость и опыт китайской юридической профессии за последние десятилетия. С момента введения в действие с 1 января 2021 года Гражданский кодекс КНР привлёк внимание международного сообщества, в том числе России, своими систематизированными, логичными и научно обоснованными положениями.

В ознаменование 75-летия установления дипломатических отношений между Россией и Китаем, и следуя благородной инициативе Президента РФ В.В. Путина и Председателя КНР Си Цзиньпина по углублению всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в эру небывалого расцвета, изучение Гражданского кодекса КНР в русском прочтении обретает особую значимость. Этот акт не просто обогащает российское сравнительное правоведение, он служит ключом к пониманию правовых основ российско-китайского стратегического альянса (Алексеевко, 2021: 201), выступая прочным фундаментом для укрепления и правовой защиты российско-китайских отношений. Иными словами, постижение глубин китайского кодекса открывает российским экспертам горизонты понимания правовых тонкостей, процедур и принципов Поднебесной, способствуя процветанию правового сотрудничества и обмену знаниями между нашими великими державами.

На международной арене выход Гражданского кодекса КНР подчёркивает важность международного правового обмена и сотрудничества, открывая новые возможности для исследовательских и кооперационных проектов между Россией и Китаем. Перевод Гражданского кодекса на русский язык, выполненный под руководством российских учёных, является важным шагом в этом направлении. Первая версия, которая используется для нашего исследования, была опубликована в 2021 году и была подготовлена под руководством российских учёных. Данное издание под редакцией П.В. Трощинского, старшего научного сотрудника Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, и в переводе В.В. Сониной, профессора права ДВФУ и юриста Торгпредства России в Китае, предоставило российским правоведам и исследователям доступ к современным китайским

правовым текстам. Вторая версия была подготовлена под руководством китайских учёных и опубликована известным российским издательством «Проспект» в 2024 году. Ответственным редактором перевода выступил профессор Института сравнительного правоведения при Китайском политико-правовом университете Ван Чжихуа.

На этом фоне целью данной работы является углублённый анализ стратегий и методов перевода культурно-маркированной лексики в русском переводе Гражданского кодекса с использованием корпусного метода и теории концептуальной интеграции в рамках когнитивного подхода к переводу. Изучение перевода этих терминов помогает российским учёным понять, как справиться с культурными различиями между исходным и переводным языками в процессе юридического перевода и как передать специфические культурные коннотации в юридических документах. Это не только способствует повышению качества перевода юридических документов, но и укрепляет взаимодействие между китайской и российской правовыми системами.

Изучение переводных версий Гражданского кодекса КНР представляет собой уникальную возможность для российских учёных и практиков расширить свои знания о китайской правовой культуре. Оно способствует развитию китайско-российского правового сотрудничества и обмена знаниями, а также имеет большое практическое значение для подготовки специалистов в области международного права. Таким образом, данное исследование имеет большое теоретическое и практическое значение для обеих стран, способствует укреплению взаимопонимания и внесению вклада в развитие юридической науки и практики.

1. Обзор литературы

По мнению С.В. Ивановой, культурно-маркированная лексика (*cultural specific lexis*¹) включает в себя лексику, отражающую культурную детерминированность и/или национальную марки-

---

¹ Английская терминология, соответствующая термину «культурно-маркированная лексика», пока не унифицирована в научном сообществе, включая *culture specific word*; *culture loaded terms*; *culturally loaded word*; *culture-bound word*; *cultural specific lexis* и т.д. Мы провели исчерпывающий поиск статей о культурной лексике за последние 10 лет в Web of Science и обнаружили, что термин “*cultural specific lexis*” появляется и используется чаще всего в профильных журналах. Поэтому в данной работе мы используем это выражение в качестве английской ссылки для словосочетания «культурно-маркированная лексика».

рованность, этно-национально-культурную специфику и национальную специфику (Иванова, 2003: 25). Национально-культурный компонент охватывает определённый объем исторических и культурологических знаний, без которых невозможно правильное понимание слова и его адекватное использование. Как отмечает Л.В. Щерба, разные языки по-разному отражают действительность (Щерба, 1974: 428), и именно потому, что культурно-маркированная лексика способна обозначать уникальные компоненты культуры, она фиксирует уникальные способы деятельности, постепенно накопленные определённым народом за длительный период времени, которые носят не только лингвистический характер, но и несут богатую культурную информацию, имея огромное значение для продвижения культурного разнообразия и межкультурной коммуникации.

В области переводоведения влияние культурных различий на процесс перевода давно и широко отмечается учёными. Уже в 1964 году Ю. Найда (Nida, 2021: 130) отметил, что культурные различия в переводе часто выходят за рамки языковой структуры. В последние годы, с ускорением глобализации и углублением культурных обменов, эта тема стала ещё более актуальной. Многие учёные исследовали стратегии перевода культурно значимых слов с учётом культурных различий.

Исследования переводческих стратегий культурно-маркированной лексики варьируются в зависимости от культурных и исторических особенностей стран. В России эта специфика особенно ярко выражена. Со второй половины XX века культурно-маркированная лексика стала популярной темой исследований в отечественной лингвистике (Верещагин, Костомаров, 1980: 320; Влахов, Флорин, 1980: 343). Русская литература, обладая высоким художественным уровнем, играет ключевую роль в культурной идентичности нации (Чжэн Тиу, 2019: 5). Поэтому российские учёные уделяют значительное внимание изучению перевода этой лексики, стремясь эффективно передать и популяризировать культурное наследие. Например, исследования переводов произведений таких авторов, как С. Довлатов, В. Пелевин, А.С. Пушкин, являются распространённой темой.

Подводя итог, следует отметить, что хотя исследование перевода культурно-маркированной лексики достигло значительных результатов, остаются нерешённые проблемы, особенно в юридических текстах. Вопросы продвижения китайско-российских правовых обменов и распространения китайских юридических

концепций требуют дальнейшего изучения. Недостаточно изучена роль традиционных культурных элементов в правовой культуре. Иностраный перевод юридической литературы должен способствовать распространению китайской юриспруденции и усилению международного влияния китайского права (Ван Хао, 2018: 124). В данном исследовании с использованием корпусной лингвистики и когнитивного подхода к переводу анализируются стратегии и техники перевода юридической культурно-маркированной лексики, предлагая новые идеи и методы для правового просвещения.

2. Теоретические основы.

Теория концептуальной интеграции

Следует отметить, что современные исследования в области юридического перевода выходят за рамки традиционных лингвистических подходов и всё чаще обращаются к когнитивной парадигме. Как указывают исследователи (Biel, 2017; Болдырев, 2018), перевод юридических текстов представляет собой сложный когнитивный процесс, требующий не только эквивалентности на уровне терминологии, но и реконструкции концептуальных структур исходной правовой системы в сознании реципиента. В частности, теория концептуальной интеграции (Fauconnier, Turner, 2002) позволяет объяснить механизмы адаптации культурно-специфичных правовых концептов, которые не имеют прямых аналогов в принимающей культуре. Такой подход согласуется с современными тенденциями в когнитивном переводоведении, где перевод рассматривается как процесс создания новых ментальных пространств (conceptual blending), обеспечивающих понимание чужеродных правовых реалий через призму собственной правовой картины мира.

Сама концептуальная интеграция, предложенная Жилем Фоконье и Марком Тернером в середине 1980-х годов, представляет собой теорию, исследующую процессы создания смысла в мышлении и языке через объединение различных концептуальных элементов. Эта теория развивает идеи концептуальной метафоры и стремится объяснить родственные когнитивные процессы, такие как аналогия, индукция, метафора и метонимия, как варианты единой базовой когнитивной операции — концептуальной интеграции (Fauconnier, Turner, 2002).

Основой концептуальной интеграции является модель, включающая четыре мыслительных пространства: два входных простран-

ства, родовое пространство и смешанное пространство (бленд). Родовое пространство содержит общие элементы, которые накладываются на каждое входное пространство, в то время как бленд представляет собой результирующую структуру, возникающую в результате объединения элементов входных пространств. Этот процесс позволяет объяснять сложные мыслительные процессы, что особенно важно при исследовании перевода, где происходит взаимодействие различных культурных и языковых контекстов. Важными аспектами теории являются принципы оптимальности, регулирующие процесс создания бленда, включая интеграцию, топологию, переплетённость и разархивацию (Коннова, 2012: 110–111). Эти принципы помогают поддерживать когнитивную целостность и логическую связанность создаваемых структур, что может быть полезно при анализе сложных переводческих решений и теорий.

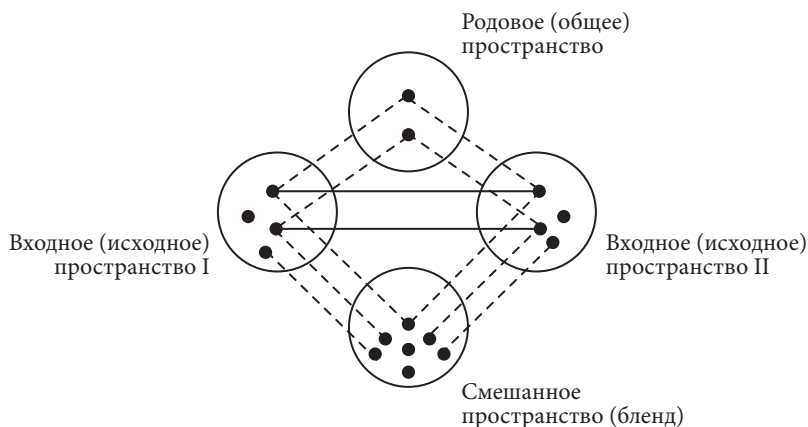

Рис. 1. Схема модели смешанных пространств
Ж. Фоконье и М. Тернера²

Таким образом, теория концептуальной интеграции находит применение в широком спектре когнитивных процессов и имеет существенное значение для исследований в области перевода, позволяя глубже понимать процессы взаимодействия смыслов и концептов при передаче текста с одного языка на другой.

² Круги на схеме представляют четыре основных ментальных пространства, точки — сущности каждой сферы, пунктирные линии символизируют отображения между сущностями различных пространств, а сплошные линии — соединение прототипичных элементов (Ковальчук, 2011: 98).

3. Когнитивный перевод культурно-маркированной лексики в ГК КНР

3.1. Материалы исследования

В данной работе оригинал Гражданского кодекса КНР и два русских перевода выравниваются по абзацам с помощью программы ABBYY Aligner 2.0 (масштаб трёх текстов до выравнивания представлен в таблице 1), и через программу Paracos исследуются стратегии перевода культурно-маркированной лексики в китайско-русском параллельном корпусе Гражданского кодекса в рамках когнитивного подхода.

Таблица 1

Основные статистические данные

Материалы исследования	Общее количество токенов (tokens)	Количество типов слов (types)	Коэффициент тип/токен (TTR)	Стандартизованный коэффициент тип/токен (STTR)
Оригинал «ГК КНР»	49886	3393	6,80%	30,50%
Русский перевод «ГК КНР» (2021)	69352	9783	14,64%	46,03%
Русский перевод «ГК КНР» (2024)	69057	7148	10,35%	39,30%

3.2. Примеры культурно-маркированной лексики в ГК КНР

Ю. Найда, исходя из принадлежности и природы культуры, выделяет пять её видов: экологическую, материальную, социальную, религиозную и языковую. В продолжение этой концепции, российские учёные предлагают классификации культурно-маркированной лексики (Найда, 1945: 196). А.Е. Леонтьева разделяет культурно-маркированные языковые единицы с лингвистической и экстралингвистической точек зрения. Она оценивает их лингвокультурологическую ценность через способность отражать материальные, ментальные и поведенческие аспекты культуры и рассматривает уровни вербализации культурной информации: материальные реалии, ментальные реалии и речевые ситуации (Леонтьева, 2012: 182). Кроме того, Н.И. Гез, Р.К. Миньяр-Белоручев и Е.И. Пассов предлагают деление культурно-маркированной лексики на топонимику, термины из различных областей науки, техники и искусства, историзмы, пословицы и поговорки, наименования предметов и

явлений традиционного и нового быта, ситуативные клише и другие категории (Гусева, 2002: 82).

Следовательно, в рамках следования гражданскому кодексу КНР как всеобъемлющему руководству для социальной жизни, обобщая точки зрения различных учёных, в настоящей статье культурно-маркированная лексика подразделяется на следующие категории:

1) материально-фольклорные, такие как трудовая практика, земельные ресурсы, транспорт и повседневная жизнь (например, одежда, питание, жильё и передвижение):

— 居民委员会、村民委员会具有基层群众性自治组织法人资格，可以从事为履行职能所需要的民事活动。

Перевод (2021): *Домовые комитеты, сельские комитеты, обладающие статусом **первичной массовой организации самоуправления** — юридического лица, могут осуществлять необходимые для исполнения административных функций сделки.*

Перевод (2024): *Домовые и сельские комитеты обладают статусом **организаций общественного самоуправления основной ступени** и могут осуществлять необходимую гражданско-правовую деятельность в целях выполнения своих функций.*

В соответствии с законом, широкое и прямое участие всех граждан КНР осуществляется в рамках системы низового массового самоуправления (Зотов и др., 2023: 11). Эта система, будучи ключевым элементом народной демократии Китая, представляет собой основную политическую структуру страны. Культурно-маркированная лексика, связанная с данным понятием в Гражданском кодексе КНР, представлена термином «*基层群众性自治组织*». В переводе 2021 года используется выражение «*первичная массовая организация самоуправления*», что отражает стремление через термин «*массовая организация*», характерный для политического и социального дискурса бывшего Советского Союза, точно передать значение «*массы*» в оригинальном тексте. Также слово «*первичная*» передаёт идею «*низов*». В этом переводе применяется стратегия, находящаяся между натурализацией и диссимиляцией, с одной стороны, сохраняя термины исходного текста, с другой — обеспечивая русскому читателю понимание функций организации через включение понятия «*самоуправление*». Перевод 2024 года, напротив, представляет более нейтральную интерпретацию, минимизируя возможные политические коннотации, избегая недоразумений и лишних ассоциаций, акцентируя внимание на юридической сущности организации, а не на передаче культурного или политического контекста.

— 物业服务合同是[...]的合同。

Перевод (2021): *Договором оказания коммунальных услуг является договор [...].*

Перевод (2024): *Договором оказания услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства и управления многоквартирными домами является договор [...].*

В переводе 2021 года термин «物业» был передан как «коммунальные услуги», что соответствует стратегии натурализации. Этот перевод нацелен на отражение услуг, распространённых в российской культуре, таких как водоснабжение, электроснабжение и отопление. В переводе 2024 года используется более развёрнутое выражение — «услуги в сфере жилищно-коммунального хозяйства и управления многоквартирными домами». Такой перевод учитывает не только коммунальные услуги, но и аспект управления «многоквартирными домами», что более точно соответствует китайскому понятию «物业», включающему управление недвижимостью, её обслуживание и охрану. Эта стратегия ориентирована на диссимилиацию, что, хотя и усложняет перевод, более полно сохраняет культурные и правовые особенности оригинала. Согласно теории концептуальной интеграции, перевод 2021 года акцентирует внимание на адаптации к русскому языковому контексту, в то время как перевод 2024 года фокусируется на более точном сопоставлении исходного и целевого языков.

2) **социальные**, сосредоточенные на семейной структуре, системе родственных наименований, брачных и погребальных обрядах и других социальных традициях, и обычаях:

— 家庭应当树立优良家风, 弘扬家庭美德, 重视家庭文明建设。

Перевод (2021): *Семья должна основываться на лучших семейных ценностях и семейной добродетели, необходимо уделять внимание культурному построению семьи.*

Перевод (2024): *В семье должны поддерживаться добрые традиции, поощряться семейные ценности и цениться создание культуры семьи.*

В китайском языке термин «家风» обозначает семейные обычаи и образ жизни, передаваемые из поколения в поколение, что можно охарактеризовать как этос семьи. В переводе 2021 года он был интерпретирован как «лучшие семейные ценности», что акцентирует внимание на ценностях, то есть на основных принципах и убеждениях, разделяемых членами семьи, подчёркивая моральные и этические аспекты, распространённые в русской культуре. Это

пример стратегии натурализации. Однако термин «*семейные ценности*» представляет собой абстрактное понятие, которое не охватывает конкретные традиции и обычаи, присущие понятию «*家风*», и, следовательно, утрачивает культурную специфику. В переводе 2024 года использовано выражение «*добрые традиции*», которое более точно отражает значение «*家风*» в китайской культуре, сосредоточив внимание на передаче положительных традиций и обычаев внутри семьи. В русской культуре слово «*традиция*» также несёт глубокий социальный смысл, что делает данный перевод более адекватным для передачи норм поведения и ценностей, передаваемых из поколения в поколение, как это подразумевается в «*家风*». Анализ, проведённый с использованием теории концептуальной интеграции, показывает, что перевод 2021 года активизирует социокультурные знания и семантически деконструирует «*家风*», выделяя его социальные и культурные элементы и сопоставляя их с русскими выражениями, описывающими ценностные ориентиры семьи. В отличие от этого, перевод 2024 года учитывает как социокультурные особенности исходного языка, так и идиоматические выражения русского языка, что позволяет более точно передать смысл и культурные аспекты «*家风*».

— 民事主体从事民事活动，不得违反法律，不得违背公序良俗。

Перевод (2021): *Субъекты гражданского права при осуществлении гражданско-правовых действий не должны нарушать законодательство, а также нормы общественной нравственности.*

Перевод (2024): *Субъекты гражданского права, осуществляя гражданско-правовую деятельность, не вправе нарушать законодательство, публичный порядок и добрые нравы.*

Концепция «*公序良俗*» зародилась в римском праве и нашла отражение в таких законах, как пункт 1 статьи 138 «Гражданского кодекса Германии», статья 90 «Гражданского кодекса Японии» и статья 20 «Швейцарского кодекса обязательств», которые в основном используются для предотвращения сделок, наносящих ущерб государству и общественным интересам. В китайском контексте концепция «*公序良俗*» приобрела уникальный китайский оттенок и была расширена для охвата более широкого круга интересов общества и граждан. В переводе 2021 года термин «*公序良俗*» был переведён как «*нормы общественной нравственности*», что особое внимание уделяет моральным нормам общества и стремится отразить термин в более широкой моральной категории. Этот перевод применим к концепции общественной морали в русской культуре,

однако он не полностью охватывает многозначность закона, порядка и социальных обычаев, связанных с «公序良俗», и в частности, аспект правопорядка, заключённый в компоненте «公序», может быть утрачен. В переводе 2024 года используется выражение «публичный порядок и добрые нравы». Этот перевод более точен, так как понятия «публичный порядок» и «добрые нравы» соотносятся с компонентами «公序» и «良俗». Такой подход сохраняет культурные коннотации оригинального текста и обеспечивает более точное понимание концепции для читателей на языке перевода.

3) **религиозные**, которые углублённо исследуют природные культы, религиозные верования и культ предков, и другие духовные аспекты фольклорных верований:

— 依法设立的宗教活动场所, 具备法人条件的, 可以申请法人登记, 取得捐助法人资格。

Перевод (2021): *Учреждённая в соответствии с законом религиозная организация, обладающая признаками юридического лица, может подать заявление о государственной регистрации и получении статуса юридического лица — благотворительной организации.*

Перевод (2024): *В случае обращения с заявлением о регистрации образованного в соответствии с законом места богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, отвечающего признакам юридического лица, такое место приобретает статус благотворительной организации.*

В данном случае следует рассмотреть два термина с религиозной маркировкой: «宗教活动场所» и «捐助法人». Перевод 2021 года трактует «宗教活动场所» как «религиозная организация», что представляет собой более обобщённое понятие, охватывающее организационные структуры. Однако термин «宗教活动场所» подразумевает конкретные физические места, такие как храмы и церкви, в то время как «религиозная организация» относится к учреждениям и группам. Таким образом, перевод 2021 года расширяет понятие мест до всех религиозных организаций, что может привести к искажению значения. Перевод 2024 года, напротив, уточняет «宗教活动场所» как «места богослужений, других религиозных обрядов и церемоний». Такой перевод более точно отражает оригинальный смысл, сосредоточиваясь на физических местах и предотвращая путаницу между местами и организациями. Этот уточнённый перевод лучше соответствует китайскому законодательству и обеспечивает более точное понимание в различных культурных контекстах.

Что касается термина «捐助法人», Гражданский кодекс определяет его как некоммерческое юридическое лицо, созданное для общественного блага на основе пожертвований. Термин «捐助» обозначает финансовый вклад, предоставляемый безвозмездно, в отличие от «пожертвования», которое связано с определёнными условиями договора и отличается от консорциумов западных церковных организаций. Оба перевода обращают внимание на благотворительную направленность, что делает их точными и соответствующими контексту.

4) и наконец, **языковые**, включающие народные пословицы, поговорки, загадки и устное народное творчество, и другие языковые формы, которые являются языковыми носителями фольклорной культуры:

— 以动产抵押的, 抵押权自抵押合同生效时设立; 未经登记, 不得对抗善意第三人。

Перевод (2021): *При залоге движимого имущества залоговое право возникает с момента вступления в силу соответствующего договора о залоге; отсутствие регистрации **не влияет на права добросовестных третьих лиц.***

Перевод (2024): *Залог без передачи движимой вещи залогодержателю возникает с момента вступления в силу договора залога; отсутствие регистрации залога **не может быть противопоставлено добросовестному третьему лицу.***

Термин «不得对抗善意第三人» обозначает, что внутренние соглашения сторон договора не могут нарушать законные права третьих лиц, не осведомлённых о данных соглашениях. Под «善意第三人» подразумеваются лица или организации, не участвующие в соглашении и не имеющие вины. Прямой перевод термина «对抗» как «сопротивляться» или «противостоять» представляет собой метафору военного противостояния и не имеет точного эквивалента в русском языке. Перевод 2021 года использует выражение «не влияет на права», что упрощает понимание, но не полностью передаёт юридическую суть термина «对抗», связанного с приоритетом правовых последствий и возможностью защиты прав от третьих лиц, а не только с отсутствием влияния. В переводе 2024 года применяется выражение «не может быть противопоставлено», что более точно соответствует оригинальному значению слова «对抗». Этот перевод сохраняет юридическую точность, подчёркивая, что в отсутствие регистрации ипотека не может быть противопоставлена добросовестным третьим лицам. Хотя такой перевод лучше

отражает юридическую логику и ограничения правового воздействия, он может создавать избыточные ассоциации у читателей, не знакомых с юридической терминологией.

— 出卖人按照约定未交付有关标的物的单证和资料的,不影响标的物毁损、灭失风险的转移。

Перевод (2021): *Непередача покупателем обусловленных договором относящихся к товару документов и материалов не влияет на переход риска его порчи и гибели.*

Перевод (2024): *Неисполнение согласованной сторонами обязанности продавца по передаче покупателю документа, подтверждающего получение товара и иной информации, относящейся к товару, не влияет на переход риска его повреждения и гибели.*

Статья предусматривает «按照约定未交付», что в двух вариантах переводится как «*непередача покупателем обусловленных договором*» и «*неисполнение согласованной сторонами обязанности продавца по передаче*». Несмотря на различие в формулировках, общий смысл — «неисполнение условий передачи согласно договоренности». Прямой перевод данной фразы указывает на то, что в соглашении не была оговорена передача, а не на то, что передача была выполнена не в соответствии с договорённостью; в данном случае слово «не» передаёт совершенно иной смысл. Следовательно, оба варианта перевода не точно отражают исходное значение и не обеспечивают адекватного представления термина.

Заключение

В целом, переводы 2021 и 2024 годов обладают своими достоинствами и недостатками с точки зрения точности, выбора стратегий и качества перевода. Версия 2021 года ориентирована на сохранение структуры и лексики оригинала, обеспечивая высокую точность передачи текста, при этом демонстрирует высокую языковую плавность. Однако в процессе передачи семантических связей между исходным и целевым языками наблюдаются определённые упущения. В свою очередь, перевод 2024 года уделяет больше внимания языковым нормам целевой аудитории, более гибко применяя творческий подход, что делает текст более читабельным и выразительным.

Что касается выбора стратегий, то в переводе 2021 года преобладает дословный перевод или форенизация (стратегия отчуждения), направленная на сохранение формальных характеристик оригинала. В то время как перевод 2024 года отдаёт предпочтение

смысловому переводу, демонстрируя более комплексный подход к культурной адаптации.

Относительно общего качества, перевод 2024 года находит удачный баланс между точностью передачи смысла и читабельностью, что обеспечивает его лучшую адаптацию к культуре и восприятию читателями по сравнению с переводом 2021 года. Тем не менее, версия 2024 года также не лишена недостатков. В дальнейшем потенциал для улучшения сохраняется в аспектах проработки деталей, точности языка и глубины передачи культурных нюансов. Особенно это касается работы с выражениями, насыщенными культурными символами, где переводчик мог бы более эффективно учитывать как контекст оригинала, так и потребности современных читателей, подбирая более точные переводческие решения.

В качестве заключения следует отметить, что культурно-маркированная лексика в юридических текстах, таких как Гражданский кодекс КНР, представляет собой не просто набор слов с национально-культурным колоритом, но и несёт более глубокий смысл, связанный с юридическими традициями и правовыми нормами. Перевод такой лексики требует от переводчика не только владения двумя языками, но и глубокого понимания культурного контекста, исторического развития правовых систем и социальной реальности двух стран.

Как отмечает китаевед А. Зайнигабдинова, оперативный перевод кодекса на русский — это шаг вперёд для взаимодействия России и Китая. Кодекс представляет интерес не только для китаистов, но и для представителей российского бизнеса. Он упорядочивает юридическую и экономическую сферы Китая и станет настольной книгой для тех российских бизнесменов, которые работают или хотят работать с Китаем (Зайнигабдинова, 2021). Через анализ конкретных примеров перевода культурно-маркированной лексики становится очевидным, что даже небольшие различия в формулировках могут значительно повлиять на восприятие юридического текста и его адекватность в целевой культуре. Стратегии перевода должны учитывать культурные различия, чтобы обеспечить правильное понимание правовых норм и укрепление юридического сотрудничества между странами.

Данная статья подчёркивает необходимость дальнейшего изучения перевода юридических текстов в свете культурной специфики, особенно в условиях растущей глобализации и взаимозависимости правовых систем. Это позволит не только углубить понимание правовых систем Китая и России, но и способствовать

развитию более точных и обоснованных стратегий межкультурного перевода, что в конечном счёте усилит юридическое взаимодействие и взаимное обогащение правовых культур двух стран.

Список литературы

Алексеевко А.П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР / А.П. Алексеевко // Актуальные проблемы российского права, 2021. Т. 16. № 12 (133). С. 199–211.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н.Н. Болдырев. — Москва : Языки славянской культуры, 2018. 480 с.

Ван Хао. Тренды и уроки перевода китайских юридических текстов // Политика и право, 2018. № 11. С. 117–126.

Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 408 с.

Гражданский кодекс КНР перевели на русский язык [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/docs/about/copyright.html> (Дата обращения 05.09.2024). Загл. с экрана. Яз. рус.

Гусева А.В. Формирование социокультурной компетенции в процессе обучения устному речевому общению (школа с углублённым изучением французского языка): автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.01 [Текст] / А.В. Гусева. М., 2002. С. 35.

Зотов В.Б., Исаева М.И. Вопросы местного самоуправления в современных российских и иностранных исследованиях / В.Б. Зотов, М.И. Исаева // Муниципальная академия, 2023. № 3. С. 11–16.

Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм: Учеб. пособие для студентов и аспирантов вузов, обучающихся по направлению 520300 и специальности 021700 — Филология / С.В. Иванова; С.В. Иванова; М-во образования Рос. Федерации. Башкир. гос. ун-т. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 154 с.

Коннова М.Н. Введение в когнитивную лингвистику / М.Н. Коннова. 2-е издание, переработанное. Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2012. 313 с.

Леонтьева А.Е. Использование культурно-маркированных языковых единиц в анализе значимых компонентов лингвокультуры российских немцев / А.Е. Леонтьева // Сибирский филологический журнал, 2012. № 4. С. 181–186.

Лян Маочэн. Учебное пособие по применению Корпуса / Лян Маочэн, Ли Вэньчжун, Сюй Цзяцзинь // Пекин: Издательство по изучению и преподаванию иностранных языков, 2010. 241 с.

Чжэн Тиу. Краткая история русской литературы // Шанхай: Издательство Шанхайского университета иностранных языков, 2019. 289 с.

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. 427 с.

Biel Ł. (2017). Genre analysis and translation. In *The Routledge handbook of translation studies and linguistics*, pp. 151–164. Routledge.

Fauconnier G., & Turner M. (2008). *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. Basic books.

Nida E. (1945). Linguistics and ethnology in translation-problems. *Word*, 1(2), pp. 194–208.

Nida E. (2021). Principles of correspondence. In *The translation studies reader*, pp. 171–185. Routledge.

Reference

Alekseenko A.P. (2021). Kharakternye cherty Grazhdanskogo kodeksa KNR = Characteristic features of the Civil Code of the PRC. *Aktual'nyè problemy' rossijskogo prava*. No. 12, pp. 199–211 (In Russian).

Biel Ł. (2017). Genre analysis and translation. In *The Routledge handbook of translation studies and linguistics*, pp. 151–164. Routledge.

Boldyrev N.N. (2018). *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka = Language and System of Knowledge. Cognitive Theory of Language*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (In Russian).

Fauconnier G. & Turner M. (2008). *The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities*. Basic books.

Grazhdanskij kodeks KNR pereveli na russkij yazyk = The Civil Code of the PRC has been translated into Russian. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/docs/about/copyright.html> (Accessed 05.09.2024) (In Russian).

Guseva A.V. (2002). Formirovanie sotsiokul'turnoj kompetentsii v protsesse obucheniya ustnomu rechevomu obshcheniyu = Formation of sociocultural competence in the process of teaching oral speech communication (School with Enhanced Study of French). Abstract of PhD Thesis in Pedagogical Sciences: 13.00.01. Moscow. (In Russian).

Ivanova S.V. (2003). *Lingvokul'turologiya i lingvokognitologiya: sopryazhenie paradigmy = Linguoculturology and Linguocognitology: Conjugation of paradigms*. Ufa: RIO BashGU. (In Russian).

Konnova M.N. (2012). *Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku = Introduction to Cognitive Linguistics*. 2nd edition, revised. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. (In Russian).

Leontyeva A.E. (2012). Ispol'zovanie kulturno-markirovannykh yazykovykh edinits v analize znachimykh komponentov lingvokultury rossiyskikh nemtsev = Use of culturally marked linguistic units in the analysis of significant components of the linguoculture of Russian Germans. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. No. 4, pp. 181–186 (In Russian).

梁茂成, 李文中, 许家金 (2020). *语料库应用教程*. 北京: 外语教学与研究出版社

Liang Maocheng, Li Wenzhong, Xu Jiajin (2010). *Corpus Application Tutorial*. Beijing: Foreign Language Teaching and Research Press (In Chinese).

Nida E. (1945). Linguistics and ethnology in translation-problems. *Word*, 1(2), pp. 194–208.

Nida E. (2021). Principles of correspondence. In *The translation studies reader*, pp. 171–185). Routledge.

Shcherba L.V. (1974). *Opyt obshchej teorii leksikografii = Experience of the general theory of lexicography*. In: *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. Leningrad. (In Russian).

Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. (1980). *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova = Linguistic-cultural theory of the word*. Moscow: Russkij yazyk. (In Russian).

Vlakhov S.I., Florin S.P. (1980). *Neperevodimoe v perevode = The Untranslatable in Translation*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).

王灏 (2018). 中国法律文献翻译输出之轨迹及其启示. *政治与法律*. no. 11, pp. 117–126.

Wang Hao (2018). Trends and Lessons in the Translation of Chinese Legal Texts. *Politics and Law*. No. 11, pp. 117–126 (In Chinese).

郑体武 (2019). *俄罗斯文学简史*. 上海: 上海外语教育出版社

Zheng Tiwu (2019). *A Brief History of Russian Literature*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press (In Chinese).

Zotov V.B., Isaeva M.I. (2023). *Voprosy mestnogo samoupravleniya v sovremennykh rossiyskikh i inostrannykh issledovaniyakh = Issues of local self-government in modern Russian and foreign studies*. *Munitsipal'naya akademiya*. No. 3, pp. 11–16 (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Жань Тянь — аспирант Института русистики и евразийских исследований Шанхайского университета иностранных языков, 201600, Китайская Народная Республика, г. Шанхай, район Сунцзян, ул. Вэньсян, 1550; rantian0517@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Ran Tian — postgraduate student at the School of Russian and Eurasian Studies, Shanghai International Studies University, 201600, People's Republic of China, Shanghai, Songjiang District, Wenxiang Street, 1550; rantian0517@mail.ru

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат автору и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the author and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The author state that there is no conflict of interests.